

УДК 343.01

С.В. Сыс

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

«УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ДЕЙСТВОВАВШЕМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

В статье рассматриваются положения уголовного законодательства Российской Империи, действовавшего на территории современной Республики Беларусь с момента вступления в силу на указанных землях Свода законов Российской Империи 1833 года до 1917 года. Особое внимание уделяется классификации преступлений и такому её элементу как «уголовный проступок».

Более ста лет земли современной Беларуси находились в составе Российской Империи. Несмотря на то, что порядка сорока лет на белорусских землях продолжал действовать Статут ВКЛ 1588 года, тем не менее он был отменён после принятия Свода законов Российской Империи 1833 года. Особое значение для истории уголовного права Беларуси имело то, что теперь на белорусских землях вводилось деление уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки.

Последующее развитие дореволюционного уголовного законодательства Российской Империи придерживалось именно такого деления уголовно наказуемых деяний. Стоит отметить, что такая традиция свойственна большинству европейских государств.

В послереволюционный период было решено отказаться от такой классификации преступных деяний. Был взят курс на поиск нового основания классификации преступных деяний, каким в итоге стала общественная опасность. Исследованию общественной опасности и классификации преступлений на её основе было посвящено достаточно много научных работ советских учёных. На сегодняшний день белорусское уголовное законодательство, касаясь законодательной классификации преступлений, представляет собой итог эволюционного развития советского уголовного законодательства.

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся разработанность данного вопроса, всё чаще поднимается вопрос о необходимости законодательного закрепления уголовного проступка. Так, если рассматривать бывшие союзные республики, то на сегодняшний день уголовный проступок законодательно закреплён в Литве, Латвии, Эстонии и Казахстане, а также имеются упоминания о нём в Уголовно-процессуальном кодексе Украины. Данный вопрос активно обсуждается и в России. В Беларуси также начинают обсуждать возможность законодательного закрепления уголовного проступка: на 2018 год Советом по вопросам правовой и судебной деятельности при президенте вынесен вопрос о необходимости закрепления в уголовном кодексе понятия «уголовный проступок» [1]. О возможности его закрепления высказывались Генеральный прокурор Республики Беларусь А. В. Конюк [2] и Председатель Верховного суда Республики Беларусь В. О. Сукало [3]. Всё это говорит о необходимости изучения имеющегося исторического опыта закрепления уголовного проступка в уголовном законодательстве, действовавшем на белорусских землях.

В истории российского уголовного права вопрос о классификации уголовно-наказуемых деяний нашёл своё отражение в законотворческой идеологии и практике Российской Империи в XVIII в. В оборот входят понятия «преступление» и «проступок». Последующие законодательные акты дореволюционного периода развития российского уголовного права проводили дифференциацию уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки [4, с.14].

Деление уголовно-наказуемых деяний на преступления и проступки нашло своё отражение в Своде законов Российской Империи 1833 года, пришедшем на смену Статуту ВКЛ 1588 года на белорусских землях. Томе XV «О преступлениях и наказаниях вообще» под преступлением понимал деяние, запрещённое под страхом наказания, а под проступком –

под страхом лёгкого телесного наказания или полицейского исправления [4, с.14].

В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение 1845 года), вступившее в силу с 1 мая 1846 года [5]. Уложение 1845 года сохранило деление всех уголовно-наказуемых деяний на преступления и проступки. Так, ст. 1 определяла, что «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление». Ст. 2 Уложения 1845 года в свою очередь закрепляла, что «нарушение правил, предписанных для охранения определённых законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступком». Вместе с тем в ст. 4 Уложение 1845 года даёт наиболее общее определение уголовно-наказуемого деяния: «преступлением или проступком признаётся как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано».

Отсюда можно сделать вывод, что Уложение 1845 года выделяло как уголовно-наказуемое деяние как таковое, отличное от всех иных правонарушений, так и подразделяло сами уголовно-наказуемые деяния на две большие группы: преступления и проступки. Исходя из формулировки понятий «преступление» и «проступок», следует, что преступление предполагало посягательство на интересы Императора и государства, а также на наиболее охраняемые интересы общества и подданных, предоставленные законом. В свою очередь проступок предполагал «нарушение правил», а также не был связан с посягательством на интересы Императора и государства. «Факт подразделения преступных деяний на преступления и проступки обуславливал выделение понятия преступления как более опасного, по сравнению с проступком, вида уголовно наказуемого поведения» [6].

В целом и преступление, и проступок были определены формально. Для наличия в действиях или бездействиях признаков преступления или проступка было достаточно установить «всякое нарушение закона» или «нарушение правил». Отличие преступления и проступка видится лишь в «значимости» нарушаемого правового акта, а также объекта посягательства. Вместе с тем, нельзя отрицать и учёт общественной опасности, так как на общественную и личную безопасность есть непосредственное указание в формулировках понятий «преступление» и «проступок». Однако, представляется, что учёт общественной опасности имел место в большей степени уже при назначении наказания, так как и преступление, и проступок предполагают посягательство на общественную или личную безопасность.

Схожей позиции придерживается и А. А. Логецкий. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. исходило из двойственной природы преступления. Его формальный аспект выражался в нарушении определенной нормы. Значение же нормы определялось важностью охраняемого объекта и соответственно отражалось на тяжести преступления. Материальный аспект преступления имел опосредованный характер и заключался в том, что его содержание являлось неотъемлемым звеном в конструкции: «охраняемое благо – норма – опасность преступления». Соответственно, значение нормы выражалось не в оценке общественной опасности деяния, а в фиксации таковой в случае ее нарушения. ... При этом механизм преступления характеризовался посягательством на само благо, охраняемое законом, а механизм проступка – нарушением норм, охраняющих те или иные ценности. Законодатель таким образом стремился показать сущностное различие указанных деяний. Преступление характеризовалось повреждением объекта, охраняемого законом, а проступок – нарушением закона, охраняющего благо. Следовательно, понятие проступка было более формализовано» [6].

Вместе с тем, несмотря на закреплённое разделение уголовно-наказуемых деяний на преступления и проступки и их законодательное определение, видные российские учёные-правоведы в области уголовного права выражали определённый скептицизм, указывая на непоследовательность употребления терминов «преступление» и «проступок» и на отсутствие практической значимости. В частности, доказательство этому мы видим в «Лекциях по русскому уголовному праву» Н.С. Таганцева издания 1887 года. «... это деление приобрело не только доктринальное, но и практическое значение: слова «преступление» и «проступок», определённые в этих статьях, получали значение юридических терминов и, на первый взгляд, давали применительно закона право в дальнейших статьях уложения, где встречались эти слова, придавать каждому из них указанный выше объём. На эту точку зрения и стали некоторые из наших криминалистов: Н. Неклюдов и А. Лохвицкий, утверждая, что только этим путём могут быть решены некоторые капитальнейшие вопросы общей части, что в силу этой терминологии по нашему уложению не наказуемо покушение на проступки, соучастие в проступках, усиленно наказуемое только, по силе ст. 131, повторение преступлений, а не проступков, и т.д. напротив того, пр. Спасович находил, что это деление с теоретической стороны едва ли может быть оспариваемо, но что странно встретить его в кодексе; настоящее его место не кодекс, но учебное руководство, потому что оно не имеет никакой практической применимости к жизни действительной. Это последнее мнение нельзя не признать более

справедливым. С одной стороны, применителям нашего уложения хорошо известно, как мало вообще разработана в нём техническая сторона, в особенности его терминология: едва ли найдётся хотя бы одно техническое слово в уложении, которое сохраняло бы тот же специальный смысл во всех его статьях; то же приходится сказать и о разбираемых терминах: обозрение даже одного первогораздела уложения с несомненностью убеждает, что каждое из этих слов употребляется то в смысле видовом, то в родовом, т.е. охватывающем все преступные деяния, как вредоносные, так и опасные...» [7, с. 76-77].

Такие сложности с реальным разграничением преступлений и проступков привели в итоге к уничтожению данного деления, что можно увидеть в ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных редакции 1885 года, включённого, в частности, в Свод законов Российской Империи издания 1912 года. Так, в нём было закреплено, что «преступлением или проступком признаётся как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано». Как видно, преступления и проступки были уравнены, а их определение стало ещё более формализованным [8].

В связи с принятием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года [9] уголовное законодательство подверглось значительной переработке. В связи с принятием указанного Устава, часть статей из Уложения 1845 года была изъята. Важно отметить, что по смыслу ст. 1 Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, содержит только проступки. В частности, в отношении проступков применялись лишь наказания, обозначенные в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: выговоры, замечания, внушения, денежные взыскания не свыше трёхсот рублей, арест не свыше трёх месяцев, заключение в тюрьме не свыше одного года.

Таким образом, можно сказать, что Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был очередной попыткой разделить преступления и проступки. Теперь такое разграничение проводилось не только исходя из возможных наказаний, но и предполагало различия в подсудности.

Особую роль в развитии категоризации преступлений сыграло Уголовное Уложение 1903 года (далее – Уложение 1903 года) [11], ставшее последним кодифицированным актом в области уголовного права дореволюционного периода, и которое должно было заменить Уложение 1845 года. Именно Уложение 1903 года содержало в себе наиболее разработанные с юридической точки зрения нормы о классификации преступлений с учётом их тяжести.

Уложение 1903 года было принято 22 марта 1903 года. Вместе с тем оно так и не вступило в силу в полном объёме. Действующим уголовным законом вплоть до 30 ноября 1918 года оставалось Уложение 1845 года [10].

В отличие от Уложения 1845 года Уложение 1903 года классифицировало все преступления в зависимости от тяжести наказаний, налагаемых за совершение уголовно-наказуемых деяний. Согласно ст. 3 Уложения 1903 года «преступные деяния, за которые в законе определены, как высшее наказание, смертная казнь, каторга или ссылка на поселение, именуется тяжкими преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены, как высшее наказание, заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, именуется преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены, как высшее наказание, арест или денежная пеня, именуется проступками».

Таким образом, Уложение 1903 года предусматривало трёхчленную классификацию преступных деяний: тяжкие преступления, преступления и проступки. Помимо этого, для возможности применения ответственности к лицу обязательным было установление вины. Ст. 48 Уложения 1903 года закрепляла, что «тяжкие преступления наказываются лишь при наличии вины умышленной. Преступления наказываются при наличии вины умышленной, при наличии же вины неосторожной – только в случаях, особо законом указанных. Проступки наказываются при наличии не только вины умышленной, но и неосторожной, за исключением случаев, особо законом указанных».

Предложенная Уложением 1903 года классификация преступных деяний имела не только теоретический, но и практический характер. Учёные-криминалисты того времени подчёркивали значимость такой классификации и объясняли её роль, социальное и уголовно-правовое значение. «Когда законодатель назначает какое-либо наказание за то или иное преступное деяние, то он предварительно оценивает важность нарушенного права, опасность и испорченность воли, т.е. что подкладкою формального трёхчленного деления является оценка внутреннего значения каждого правонарушения. В область тяжких преступлений естественно отходят деяния, высказывающие особенно опасную злую волю, закоренелую привычку к преступлению, или причиняющую важный по своим последствиям вред обществу, нарушающие наиболее ценные блага отдельных лиц, а потому и облагаемые смертной казнью, каторгой или поселением. Напротив того, к области незначительных проступков могут быть отнесены такие деяния, в которых являются небрежность и легкомыслие, или которые заключают в себе простое ослушание велениям законов, ограждающих безопасность и спокойствие, или которые нарушают лишь имущественные интересы казны, или хотя и причиняют кому-либо вред, но, по существу своему, совершенно незначительны; центральная группа преступлений будет охватывать как бы средний тип преступных деяний, например, посягательства на чью-

либо жизнь, бывшее результатом запальчивости, аффекта, различные виды захватов чужой собственности, не сопровождавшиеся особо отягчающими обстоятельствами» [12, с. 23-24]. Н.Д. Сергеевский отмечал, что трёхзвенное деление преступлений вводилось «по соображениям практического удобства двоякого рода: процессуального и кодификационно-технического. В первом случае это деление соответствовало разделению судов на высшие, средние и низшие и объёму подсудности каждого из них. Во втором оно значительно облегчало редакцию статей Кодекса, давая возможность кратким термином заменить подробное описание целой группы деяний» [13, с. 67].

Тем не менее, не все специалисты того времени поддерживали такую классификацию. В частности, Г.Е. Колоколов писал, что «принятую редакторами Нового Уголовного Уложения терминологию нельзя признать удачной: второй разряд преступных деяний обозначается термином, заключающим в себе родовое понятие по отношению к первому разряду. Как будто бы тяжкое преступление не есть преступление и наоборот. Таким образом, суду, например, придётся признавать, что убийство есть не преступление, а – тяжкое преступление, что звучит, конечно, очень странно. Очевидно, в термин, обозначающий преступное деяние второго разряда, нужно было бы ввести также прилагательное: если преступное деяние первого разряда есть тяжкое преступление, то преступное деяние второго разряда нужно было бы назвать нетяжким преступлением [14, с. 19].

Классификация, предложенная Уложением 1903 года была, безусловно, важным шагом в развитии уголовного права Российской империи и свидетельствовала о возросшем уровне развития юридической техники дореволюционного законодателя и его желании сделать данную классификацию не просто неким теоретическим разделением преступлений на виды, а действительно важным элементом уголовного законодательства, тесно связанным с другими нормами уголовного права и способного влиять на них.

Рассмотрев развитие законодательного закрепления «уголовного проступка» в законодательстве Российской Империи, действовавшем на белорусских землях, стоит отметить, что в процессе развития уголовного законодательства деление на преступления и уголовные проступки то было довольно чётким, то грань между ними стиралась вовсе. Менялись и основания отнесения преступных деяний к числу преступлений или уголовных проступков. Свод Законов Российской Империи 1833 года использовал вид возможно налагаемых наказаний. Уложение 1845 года преступления и проступки разделяло в зависимости от вида нарушаемого правового акта. В связи с принятием Устава 1864 г. критерием разграничения проступков и преступлений

стало их содержание в различных правовых актах. В Уложении 1903 г. основанием рассматриваемой классификации являлся вид максимально возможного наказания, а также форма вины. Вопрос деления уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки был предметом интереса ряда известных учёных дореволюционного периода. Всё это говорит о том, что деление преступных деяний на преступления и проступки не является чуждым для истории развития белорусского законодательства, есть конкретный исторический опыт использования «уголовного проступка» в отечественном уголовном законодательстве. Таким образом, нам представляется, что есть все основания рассмотрения вопроса о закреплении «уголовного проступка» в современном белорусском законодательстве.

Список использованных источников

- 1 «Это непростой вопрос». В Беларуси хотят ввести понятие «уголовный проступок» [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/572292.html>. – Дата доступа: 10.04.2018.
- 2 Генпрокурор: Есть смысл подумать о введении понятия «уголовный проступок» [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/573639.html>. – Дата доступа: 10.04.2018.
- 3 Экзамен выдержан уверенно и спокойно. Об экономических преступлениях, смертной казни, домашнем насилии и наказании за наркотики. Большое интервью с Председателем Верховного Суда Валентином Сукало [Электронный ресурс] // Портал Беларусь Сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ekzamen-vyderzhan-uverenno-i-sпокойно.html>. – Дата доступа: 10.04.2018.
- 4 Хайруллина, Г. А. История становления института классификации преступлений в России / Г. А. Хайруллина // История государства и права. – 2013. – № 16. – С. 14-18.
- 5 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных : утверждено Императором Николаем I 15 августа 1845 г. – Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 922 с.
- 6 Логецкий, А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX начала XX вв. [Электронный ресурс] / А. А. Логецкий // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prestuplenie-i-prostupok-v-ugolovnom-prave-xix-nachala-khkh-vv>. – Дата доступа: 15.03.2017.
- 7 Таганцев, Н. С. Лекции по русскому уголовному праву / Н. С. Таганцев. – С.-Петербург, 1887. – 380 [XIV] с.

- 8 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [Электронный ресурс] // Классика российского права. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/2.html>. – Дата доступа: 29.03.2018.
- 9 Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Электронный ресурс] // Традиция. Русская энциклопедия. – Режим доступа: http://traditio.wiki/Устав_о_наказаниях,_налагаемых_мировыми_судьями. – Дата доступа: 03.04.2018.
- 10 Уголовное Уложение 1903 года [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовное_уложение_1903_года. – Дата доступа: 03.04.2018.
- 11 Новое уголовное уложение : утверждено Императором Николаем II 22 марта 1903 г. – Санкт-Петербург : Издание каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. – 252 с.
- 12 Конаровский, А. М. Категории преступлений в зависимости от их тяжести и вопросы уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Конаровский ; М., 2003. – 169 л.
- 13 Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая / Н. Д. Сергеевский. – Санкт-Петербург, 1905. – 368 с.
- 14 Колоколов, Г. Е. Новое уголовное уложение. Толкование и критический обзор / Г. Е. Колоколов. – Москва, 1904. – 44 с.

The article examines the provisions of the criminal legislation of the Russian Empire, which operated on the territory of the modern Republic of Belarus from the moment Code of Laws of the Russian Empire of 1833 entered into force on the said lands until 1917. Particular attention is paid to the classification of crimes and to its element as a "criminal offense".